

«...Хвалу и клевету приемли равнодушно.»

А.С. Пушкин

«Трагедия в цирке «Беллини».

Нам сообщают, что 10 июля сего года в г. Вологде, в цирке-шапито господина Беллини, произошла ужасная трагедия, повлекшая смерть прославленных акробатов Гектора и Адели».

«Молва». 1898 г. № 16.

«...на что надеется, что хочет увидеть публика, расставаясь со своим двугривенным в кассе цирка? Что ждет она от будущего представления, кроме бесплатных подарков по купонам разыгрываемой лотереи? Что гонит толпы обывателей в любую непогоду под парусиновый шатер? Что заставляет ее сидеть там под зонтами, мерзнуть на сквозняках, рискуя заболеть инфлюэнцией и все-таки сидеть и чего-то ждать. Ждать корову, золотые часы или портсигар – главных выигрышей лотереи, для которых, кстати сказать, заранее уже имеются свои подставные хозяева... Ждать феерии, красоты, грации, наслаждения от игры полуголодных актеров, влачащих жалкое существование у господ антрепренеров, которым нет ни до

чего дела, кроме барышей от бродячих по всей Руси «шапито»?..

Нет. Ни то, ни другое, ни третье. Ни подарки, ни примитивные номера, ни хорошенькие наездницы – ничто не привлекает так публику, как удовлетворение ее животных инстинктов. Где, как не в цирке, человек на утеху толпе ежеминутно рискует жизнью, рискует свернуть себе шею. Где, как не в цирке, большинство номеров интересны не исполнением громоздких трюков, интересны жутью, которая охватывает сердца зрителей, интересны волнением, которое испытывается при виде человека, жизнь которого висит на волоске. В этом-то все удовольствие, за это и платятся деньги.

И вот свершилось. Два прекрасных человеческих тела уносятся с манежа, как две бездушные марионетки. Публика наконец-то вознаграждена за долготерпение; и пусть это зрелище привело ее в замешательство, пусть обмороки и истерики отличают ее от плебеев Древнего Рима, которым подобные виды едва щекотали нервы. Пусть искреннего сочувствия этой трагедии гораздо больше, чем большого

злорадства. Пусть все так. Тем не менее долго еще будет скрашивать серую, томительно однообразную провинциальную жизнь обывателя память о случившемся. Долго еще будет смаковать он подробности гибели акробатов. Пусть униформисты засыпят толстым слоем опилок темные пятна на манеже, но никакими опилками не засыпать темные пятна в сознании нашей публики...»

Антон Независимый.

ж-л. «Суфлер» 1898г. №5

«...Многие крики и возгласы почтенной публики в партере, невообразимый шум, поднявшийся в райке, перекрыл детский вопль на манеже. Так как все внимание было обращено на несчастных актеров, души которых отлетели уже в мир иной, мало кто заметил упавшее на опилки манежа тело маленького человека. Этим человеком в униформе был шестилетний сын акробатов Гектора и Адели. Надо полагать, какой удар обрушился на хрупкий, неокрепший организм ребенка, когда на глазах его гибнут родители, гибнут самые любимые и близкие люди.

И вот, когда убраны тела, обращают, наконец, внимание и на мальчика: его приводят в чувство, ставят на ноги, дабы все убедились в том, что он жив, и затем уносят на руках. Но как у нас повелось: пришла беда – отворяй ворота.

После трех дней беспомощности мальчик оправился, но, к великому несчастью, потерял всякую способность различать звуки, потерял слух. Доктора, осматривавшие его, пришли к заключению, что

это случилось в результате перенесенной им психической травмы и современная медицина не знает способов лечения подобных заболеваний.

Какова будет дальнейшая судьба несчастного мальчика, потерявшего разом родителей и здоровье, одному богу известно, но тем, кто хоть немного представляет, как живется цирковым детям сегодня, это не составит особого труда. Дети цирка - самые бесправные и униженные существа на свете. Они влачат свою жизнь в противучеловеческих условиях, их жизнь подвергают опасности во время подготовки и исполнения рискованных трюков, они трудятся наравне со взрослыми актерами за харчи да холщовую крышу над головой...»

«Губернские ведомости»,
Вологда. 1898г. №24

* * *

Спасовал старик Саламонский. Ой, спасовал перед братьями. Да-с, такому цирку, как у Никитиных, и Петербург позавидовать может. Ну, да пусть там с Чинизеллями развлекаются, а первопрестольной грех на бордель их равняться. Слыхали, чем великий князь наградил Чиппионе Чинизелли?

- А, кто этого не знает. Сам «Чемпион» не стыдится своих рогов и всем с гордостью рассказывает о связи жены Лиции с Владимиром Александровичем. Правда, последнее время, говорят, охладел великий князь к столичному цирку.

- Значит, не удостоен больше директор высочайшего внимания?

После этих слов вальяжно восседавший в кресле господин самодовольно ухмыльнулся. Его поддержал всхлипывающий смех молодого человека с изъеденным угрями лицом.

За столиком буфета цирка на Садовой-Триумфальной сидели четверо мужчин. Они явно принадлежали к нижней публике, к ее наиболее состоятельной и уважаемой части. Холеные, сытые, одетые в вечерние фрачные костюмы, они мало чем отличались друг от друга, разве что усами да бородой, эспаньолкой у старшего, который и вспомнил об амурных похождениях дяди Николая Второго.

Вот уже почти год, как в самом центре Москвы, совсем рядом с Тверской, возродился «Русский цирк» Акима и Петра Никитиных. Уж на этот раз ни судом, ни откупом не удастся вернуть в провинцию основательно обосновавшихся братьев. Новое здание цирка – это совсем не та первая дерзкая попытка бросить вызов Саламонскому. Братья организовали «Русский цирк» на Цветном бульваре буквально впритык к входным дверям главного конкурента. Это даже не цирк на Воздвиженке, который на потеху всем москвичам Альберу Саламонскому пришлось бесполезно отсуживать у предприимчивых братьев. Новый цирк Никитиных, обошедший им в двести тысяч рублей, сразу стал заметным украшением Москвы, а отличный зрительный зал, прекрасный ангажемент, вращающийся гидравлический манеж и ряд других преимуществ вывели его на первое место среди цирков России.

- Уж что-что, а своего барыша Никитины никогда не упустят. Мимо кубышки монетку не пронесут.

- Вы хотите нам возразить, Серж?

Все с любопытством посмотрели на своего товарища, молодого человека с короткими густыми, закрученными кверху усами на мордастом лице.

- Всем известно, как они повели себя на Ходынке...

- А в чем, собственно, дело? Давно это было, и я, например, не в курсе. Ну, была давка, погибли люди, а причем тут Никитины?

- Да, давно. Мне тогда от силы лет десять было, когда папенька надумал сам на молодого царя посмотреть и мне показать. Чем это закончилось, известно: благо не задавили нас тогда с ним. Ну, а на обещанное цирковое представление меня уже не повели. Отец не мог представить, что после происшедшего братья не откажутся от представления. Потом нам рассказывали, что на Ходынке был устроен тот же трехманежный цирк-ипподром. Сотня артистов, сотня лошадей. Не знаю, сам не видел, в то время я горько плакал оттого, что меня обманули, не показав всего этого. Это ж надо дойти до такого цинизма, чтобы клоуны дурачились на земле, не успевшей впитать человеческую кровь.

- Это вы зря, Серж, на Никитиных обижаетесь. Каков поп, таков и приход. Самодержец-то наш тоже, как известно, тогда не отказался от бала у французского посланника. Ну, а братья свое представление не перед пустыми креслицами давали. Народец-то присутствовал, несмотря на всеобщую скорбь.

- Причем здесь это. Речь шла лишь об их личной порядочности, наконец, чести.

- Полноте, мой милый друг, полноте. Забудьте ваш детский максимализм. Не о том здесь надо разговаривать. Обсуждайте женщин или лошадей. Куда как более приятные темы.

- Господа, в одном журнале я прочел прелестные стихи, как раз к нашему случаю, - вклинился в разговор юноша с угреватым лицом.

У проходившей мимо их столика продавщицы с корзиной цветов господин с сигарой купил букетик красных роз в плетеном вазоне.

- Смотрите-ка, наш Николаша вновь готовится разбить чье-то сердце. Признавайся, кто твоя очередная жертва?

Вопрос остался без ответа, их товарищ как ни в чем не бывало продолжал попыхивать сигарой.

- Но как же стихи, господа? – тоном обиженного ребенка напомнил о себе молодой человек.

- Читайте, читайте. За это время, может, наш Николаша решится выдать нам имя своей будущей пассии.

- Ну, так вот: в новом журнале мне попались стихи как раз о цирковой барышне, но я не ручаюсь, так ли хорошо все запомнил. И все же попытаюсь.

Он встал, закрыл глаза, закинул голову назад и нараспев начал читать:

Тюрьму одежд, отринув смело
И стыд откинув далеко,
С трико слилось нагое тело,
И телом кажется трико...

Начало показалось на грани вульгарности, темной, липкой и похотливой. Между тем стихи дальше были совсем о другом:

Со злой опасностью играя
Над пропастью, где гибель
ждет,

От края сводов и до края
Она свершает свой полет.
Вперед – назад над темной
бездной
Летит без встреч и без разлук,
Отдав работе бесполезной
Бесстрашье дум и силу рук.

Стихи понравились. Они послушали тем мостиком, по которому беседа мужчин легко переходит с политики на женщин, с искусства на женщин и с женщин на других женщин.

- Ну-с, Николая, так ты нам выдашь свою тайну? – все снова вернулись к любопытной теме.

- Вы угадали, есть тут у меня на примете одна молодая француженка. Ассистентка жонглера. Совершенная дикарка.

Он достал свою визитную карточку, ручку с золотым пером и обратился к своим друзьям.

- Надо бы написать ей что-нибудь этакое, трогательное.

- Ну, напишите, что вы чахнете от любви к ее искусству. А лучше всего преподнесите ей букет из ассигнаций. Против такого дара ни одна барышня не устоит.

- Не надо опошлять святое чувство. Николай, пишите: «Мадемуазель...» Как ее имя?

- Полет.

- «Мадемуазель Полет, поклонник Вашего таланта и Вашей несравненной красоты...»

Пока составлялось послание, Серж достал программку и пробежал ее взглядом сверху донизу, бормоча себе под нос: «Полет, Полет...»

- А вот она, разлюбезная. Извольте посмотреть: «Жонглер Иван Глухов и его ассистентка из Парижа».

Николай прервал свое писание и предупредил:

- Не надо слишком громко приглашать. Он сидит невдалеке от нас и все, наверно, слышит. Вон там, за тем столиком. – И небрежным жестом показал на ужинающего сухощавого, голубоглазого юношу, с редкими, пшеничного цвета усами и темными, ниспадающими до плеч волосами. Громко произнесенное имя никак не отразилось на его поведении: не дрогнул ни один мускул, ни одна мышца не выдала его волнения. Можно даже предположить, что их товарищ ошибся и этот господин вовсе не жонглер Иван Глухов. Но Николай прекрасно запомнил этого актриску, и такое неожиданное самообладание жонглера вывело его из себя.

- Ну что ж, паяц, тебе и быть за почтальона.

- Вы хотите, чтобы передал цветы он сам? Жонглера в сводню обратить? Ну, я не знаю. Мне кажется рискованный кульбит. Хотя... откуда быть благородству у цирковых. Вопрос лишь в том, во сколько выльется вам эта вновь вспыхнувшая интрижка?

- Что деньги... Бумага, хоть и ценная, но все одно - бумага.

* * *

Иван Глухов прервал трапезу и вопросительно посмотрел на надменного, самоуверенного человека, стоящего перед ним. Руки его были заняты столовым прибором и спокойно замерли над тарелкой с аппетитным антрекотом, приготовленным специально для артистов, желающих подкрепиться перед вечерним спектаклем.

- Месье, - на французском обратился к нему господин, - будьте

добры передать этот скромный букет вашей ассистентке. Не понимаешь? Я так и думал. - Николай перешел на родной язык.

- Любезный, передай мадемуазель Полет эти цветы и записку. Вознаграждение получишь позже, когда все удачно сложится. Будь уверен, не обижу.

«Что хочет этот хлыщ? Судя по его брезгливой физиономии, уж никак не для меня предназначен этот букет. Наверно, всему виной Полина. Что ж, посмотрим...» Кивком головы Иван подтвердил, что все понял и со всем согласен.

В помещение циркового буфета шумной ватагой вошли три здоровяка, три цирковых артиста, представлявших силовые жанры: партерную акробатику, крафт – жонглирование и французскую борьбу.

Боже мой, среди них был сам чемпион мира, любимец публики и кумир студенческой молодежи – Никита Бурлаков! Посаженная на мощный торс голова с гладким черепом, напоминающим артиллерийский снаряд, лихие кавалерийские усы и узкие заплывшие глаза никак не соотносились с мягким, даже несколько застенчивым, интеллигентным характером «нашего Никиты Кожемяки», как любовно его прозвали в народе. До весеннего чемпионата, собирающего многотысячные толпы людей, оставалось немало времени, и борец выступал пока наравне с крафт-жонглерами в тяжелоатлетических номерах. Он носил на плечах якорь в двадцать пудов, гнул железную балку, по доскам, положенным на него, проезжал автомобиль с пассажирами, и всем желающим из публики он предлагал потягаться с ним силою.

Иван справился с антрекотом, выпил чай и поднялся из-за стола. Брезгливо взял, как дохлую мышь, корзинку с цветами, выудил из нее записку, скомкал и отбросил в пепельницу. После этого он направился к группе силачей и передал цветы борцу. Раскрывшийся от удивления рот хлыща и ответная снисходительная улыбка Никиты Бурлакова были красноречивее всяких слов.

Увели в зверинец показанную как диковинку длинногривую лошадь Линус. На манеже выстроилась «карусель» из шестидесяти лошадей. Готовился конно-акробатический номер, ну а после того, как на манеж выбежит лошадка, запряженная в догкарт, с похожей на куклу наездницей, наступит антракт. Второе действие будет открывать программа «знаменитого жонглера Ивана Федоровича Глухова». Фамилию, похожую на прозвище, он получил вместе с паспортом. От трагически погибших родителей в детской памяти запечатлелись только их имена, но он не обижается на чиновников: Глухов так Глухов - ведь он действительно ничего не слышит. В конце концов не в фамилии дело, а в имени. Сейчас ему чуть больше двадцати, а его номер уже открывает второе действие самого известного на сегодняшний день цирка. Он был уверен, что пройдет еще немного времени и имя «Иван Глухов» будет на слуху у всей России, а возможно, и всего циркового мира.

Он спокойно перебирал реквизит, отмечая в себе нарастающее возбуждение перед выходом, которое моментально проходило, едва он оказывался на освещенной ар-

не. Нельзя сказать, что он успокаивался: опилки манежа, или заменяющий их кокосовый мат, как здесь у Никитиных, вводили его в состояние какой-то залихватской уверенности, не наглой самоуверенности, а именно пьянящей уверенности в своей силе. Это, наверное, и был тот самый «кураж», о котором знал почти каждый актер.

Иван проверил содержимое карманов своего фрачного костюма с белой атласной подкладкой, который он получил по условиям контракта от дирекции цирка. Перед выходом в них ничего лишнего не должно было лежать. Он вытащил на свет узкий длинный блокнотик, служивший ему «разговорником». Большим пальцем любовно прошелся по срезу листов, шелестя ими, как банкир банкнотами, и остановился на одной из первых страниц, где было написано его старательным круглым почерком: «Как вас зовут?» - далее шел ответ: «Полина».

Вспомнились первые дни в Москве: комнатка на Сухаревке, запах газа, боль в плече от выломанной двери, расprostертая на полу молодая девушка и застывшие в дверном проеме встревоженные лица жильцов.

В ту пору он только что подписал договор на ангажемент и возвращался домой в преотличнейшем настроении. Тухлый запах газа почувствовал уже на лестнице и шел по нему, как собака-ищейка. Наконец он остановился возле нужной двери. Он еще не успел хорошо узнать жильцов, снимавших комнаты в этом доходном доме, но на молодую девушку, живущую именно здесь, он сразу обратил внимание. Медлить было

нельзя. После нескольких неудачных попыток достучаться он плечом выломал дверь.

Иван до сих пор не знает всех причин, толкнувших Полину к этому шагу. Грамоте она не обучена, а в путаном объяснении, написанном затейливой вязью у него в разговорнике, он и сейчас может прочесть только ее имя да просьбу соседей поддержать несчастную девушку, не оставлять в беде одну. Об ассистентке Иван думал с первого дня появления в Москве. К его большой радости, девушка без раздумий согласилась. Так и возник номер с «ассистенткой из Парижа».

В сотне раз отрепетированной, в десятках раз проигранной «Сценке в ресторане» Иван мог позволить переключить сознание, взглянуть со стороны на свой программный номер.

Трость пропеллером «Фармана» крутилась у него в руке и, оторвавшись, вдруг взмывала в воздух, чтобы затем вернуться снова, набрать потерянные на свободе обороты. Сигара, спички, портсигар параболой чертили воздух. Цилиндр проворной кошкой упорно не хотел расстаться с головой, как ни пытался от него избавиться жонглер.

И все происходило легко, непринужденно, как бы само собой. Исчезла зарепетированная механика движений, возник кураж, и только стоило подумать - подать рукам команду, как без усилий выполнялось то, к чему стремился, то, чего хотел. В фейерверке мизансцен, казалось, у Полины слишком незначительная роль: следить за тем, что вытворяет ради нее партнер, одновременно

с публикой дарить ему аплодисменты, кивком позволить продолжать или, капризно топнув ножкой, заставить кончить номер. Откуда было знать непосвященным, что этот топоток передавался по поверхности манежа и служил сигналом для Ивана: она была его ушами, связующим звеном со звучащим миром.

Шла перекидка: по сюжету – «сервировка». Тарелки, фрукты, ножи, стаканы, прежде чем занять свои законные места, челноком сновали из рук в руки неловких «официантов»: жонглеров-клоунов. Иван с Полиной включаются в игру – и все пространство над столом заполняется летающим реквизитом. Иван не спешит, старается вернее перекидывать предметы, следит за точностью движений ассистентки, ее руками, видит мелькающие блюда, салатники, бутылки. Иван отвлекся на секунду, взглянул в лицо Полины и одобрительно ей улыбнулся. Ее широко раскрытые карие глаза воспринимали только бисер рукотворной арки: отвлекись она – и все рассыплется, все рухнет. Обычно живое миловидное лицо сейчас приняло мраморную неподвижность, им можно было любоваться как скульптурой: прямой, чуть утолщенный нос, рот, словно созданный для поцелуя, отточенный овал, открытый лоб и собранные двумя холмами волосы.

Иван с удовольствием отметил, что Полина уже стала «работать номер головой», хотя до куража еще, конечно, очень далеко. Он поймал в блестящее ведерко бутылку с предполагаемым шампанским, и этим завершилась «сервировка» - стол был полон.

Полина с гордостью, и с робостью, и с нежностью смотрела на него. Он отметил этот взгляд, но разбираться в гамме чувств не стал, не до того. Эта пауза нужна ему, чтобы собраться, самому успокоиться и заставить публику ждать чего-то необычного, из ряда вон...

Он взялся за краешек крахмальной скатерти, рванул ее на себя – присутствующие на арене было кинулись к столу, но вся сервировка, лишь слегка сдвинувшись, осталась стоять на местах. Выходило гладко и красиво, он радовался как ребенок, как слепой, вдруг ставший зрячим. Подобно тореадору с красной мулетой, Иван Глухов стоял посредине арены с поднятой в руке скатертью. Он никогда не слышал в свою честь аплодисментов, но что это такое – помнил хорошо. Сейчас, должно быть, шквал аплодисментов шумит под куполом.

Иван пытается представить, найти определение забытым звукам, на что они похожи, что напоминают? Ураганный ветер в густом лесу? Неистовое море? Просто гулкий шум? А что такое шум? В сознании давно забыта даже тишина. Все звуки залиты темной глухотой, будто непроницаемым пятном. И все-таки как неистребимо желание прорвать ее, услышать или хотя бы догадаться, вспомнить, представить, что творится сейчас за этой чернотой.

Он ничего не понял: аплодисменты, крики, музыка! Все звуки сразу! Что это? Игра воображения, неведомое свойство памяти, возникшее от сильного внушения? Бывало, иной раз ему все же удавалось вообразить какой-то расчлененный звук: отдельные аплодис-

менты, отдельные восторженные крики. А тут все сразу... Память детства? Но музыки такой в то время не было, хотя, быть может, он ее не помнит. Не суть важно. Важно то, что он слышит! Пусть все это, наверное, галлюцинация, и лучше для его же блага, чтобы это наваждение скорее кончилось. Но как раз этого Иван боялся более всего, боялся сделать лишнее движенье, спугнуть вернувшийся к нему, пусть и в таком ущербном виде, дар. Сколько может длиться такой самообман: минуту, две? Значит, скоро опять провал и снова глухота. А звуки, словно насмехаясь над ним, переливались драгоценным фейерверком. При желании он мог усилить или приглушить их оттенки, их цвета. Сейчас он слышит только музыку в оркестре, все остальное – фон. Теперь - из зала крики: «Браво! Браво!»

- Эй, что застыл как статуя?! Валяй дальше!

Иван невольно посмотрел в сторону кричавшего с галерки паренька. Сомнений быть не может, он, действительно, на самом деле слышит! Между тем парень махал ему рукой и продолжал кричать.

- Давай, давай. Не стой. Выдай нам что-нибудь еще.

Из партера прозвучало:

- Безобразие. Ведите себя прилично.

- Да он же пьяный. Вывести его.

Аплодисменты захлебнулись, оркестр сфальшивил и умолк. Полина почему-то кивала головой и топала ногой. Униформисты, клоуны-жонглеры – все с удивлением смотрели на него. А он был поражен тем, что все это не сон,

что слух к нему вернулся так просто и естественно, как утренний рассвет. Он слышит, как из зала доносятся обрывки фраз:

- Что же это такое, господа, может быть, еще один антракт? В таком случае надо бы в буфет?

- Довольно. Никуда ты не пойдешь. Сиди спокойно, сейчас уже начнут.

Смех, свист. Шпрехтшталмейстер обратился к залу. Почему не слышно, что он говорит? Ах, это оркестр невпопад заиграл бравурный марш и заглушил его слова. Иван все еще стоял с поднятой в руке скатертью и с любопытством поворачивался в сторону доносящихся до него звуков.

Наконец он понял, что смешон. Скатерть полетела на манеж, он подошел к столу. Зал сразу замер в ожидании, прощая актеру непонятную заминку, а Иван забыл, что нужно делать дальше. Он все еще с жадностью прислушивался к шумам вокруг него. Не верил, боялся, что вот сейчас все кончится и его опять поглотит глухота. Он словно раздвоился: один ликовал и слушал, слушал, другой с усилием пытался вернуться к прерванному номеру, один полностью ушел в свои переживания, другой перебирал в памяти еще неотработанный кусок программы – жонглирование и метание ножей. Эту часть ему никак нельзя не показать.

Помогали Ивану все те же клоуны – официанты. Вода, подкрашенная клюквенным сиропом, лилась рекой. Публика смеялась и не понимала, что из налитого до краев фужера Иван, даже падая со стула, раньше не выплескивал и капли мнимого вина, а сей-

час мокрыми оказались не только «официанты», на головы которых он выливает не один фужер, но и Полина, и даже он сам. Простенькая сцена исполнялась на грани срыва, словно в первый раз, но тухлыми яйцами его не закидали, недовольства никак не проявили. «Зритель, значит, ничего не заметил, коли так аплодирует и смеется», - подумал Иван, не понимая, что публика аплодирует всякому работающему на арене: таланту - воздавая по заслугам, бездарностям - из жалости или от недоразвитого вкуса.

Сконфуженные «официанты» и Полина ушли «из ресторана». Что-то случилось. Номер выполнялся не так, как раньше, движения получались какими-то вялыми, робкими, без легкости и озорства.

В следующей мизансцене его подруга попадает в неприятную историю с «уличными хулиганами». Ее привязывают к будке с безмятежно спящим «городовым», Полина взывает о помощи, и помощь приходит в лице Ивана. После короткой и эффектной схватки с Иваном «хулиганы», обезоруженные его тростью, с позором удирают за кулисы. Полина восхищена и ждет освобождения. Он же, словно не замечая ее, подходит к мелко дрожащим кинжалам, воткнувшимся в кокосовый мат, поочередно трогает их тростью и, резко поддев один, ловит его в воздухе, затем - другой и третий. Оставив трость, Иван Глухов начинает жонглировать кинжалами, но почти сразу же они ускользают от его рук и оказываются на полу, рядом с тростью. Он поднимает ножи, новая попытка – тот же результат. В зале кто-то свистит.

Снова Иван собирает ножи, извиняясь, кланяется публике и вновь отправляет в воздух сверкающий клинок, за ним другой и третий, и все со звоном тут же шлепаются к ногам жонглера. Он стискивает зубы, сжимает лицо руками. Гремит оркестр, свист, топот, крики в зале. Что с ним случилось? Что ему мешает? Он права не имеет сорвать номер! И тут его осенило...

Иван достал из кармана кусочек ваты, приготовленный на случай порезов, и вставил в уши небольшие тампоны. Это не вернуло ему полной глухоты: шумы продавливались сквозь вату, но с такими неясными, приглушенными звуками можно было ладить. Иван успокоился, подобрал кинжалы и без усилий отработал номер. Все получилось просто, быстро и безрадостно. Его выступление

подошло к финалу, осталось лишь освободить Полину, раскланяться перед рукоплещущей публикой и уйти с манежа. «Все нормально, - успокаивал он себя, - все получилось как всегда, или почти как всегда»...

Полина не была связана обязательствами с цирком Никитиных и, доработав сезон, навсегда рассталась с цирком, со сказкой, в которой она когда-то была принцессой при королевиче-жонглере.

С Иваном Федоровичем Глуховым братья Никитины также не продлили контракт. Чудом вернувшийся слух заставлял прислушиваться. Чаще всего Иван слышал советы, упреки и изредка снисходительную похвалу. Он продолжал работать жонглером в цирках шапито и уже не надеялся, что когда-нибудь снова сможет оказаться в антрепризе столичного цирка.